

13. Language localisation [Электронный ресурс]. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Language_localisation
14. The difference between localization and SEO translation [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.seo-translator.com/the-difference-between-localization-and-seo-translation/>

TOWARDS INTERRELATIONSHIP BETWEEN LOCALIZATION AND TRANSLATION

S.A. Kolosov

Tver State University, Tver

The paper examines the interrelationship between the notions of translation and localization. It attempts to map localization onto the terminological framework of Translation Studies. Close attention is thereby paid to the way localization is understood in industry and academic community.

Key words: *localization, translation, adaptive transcoding*

Об авторе:

КОЛОСОВ Сергей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, *e-mail*: serge-kolosov@yandex.ru.

УДК 81'25:[81'23+81'37]

АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ КОГНИТИВНОЙ (ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕЙ) СЕМИОТИКИ[†]

К.И. Леонтьева

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов

С позиции «4Е»-перспективы когнитивной семиотики проанализирован ряд методологических ошибок, типичных при анализе фактов и причин «видимости» переводчика в тексте, операциональная специфика перевода как интерпретирующей реляционной смыслообразовательной активности, аттенциональные процессы и семиотические процессы (де)фокусирования.

Ключевые слова: *художественный перевод; видимость переводчика; когнитивная семиотика; антропоцентризм; интерпретация; смыслообразование; инакция; (де)фокусирование; внимание.*

В рамках социологического и культурологического подходов, занимающих лидирующие позиции в современной западной парадигме переводове-

[†] Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда № 15-18-10006 «Исследование антропоцентрической природы языка в когнитивном контексте».

дения, феномен художественного перевода давно и успешно исследуется как эффективное средство борьбы за власть (социальную, политическую, культурную). В результате из нейтрального, фактически «неживого» медиатора (этическая максима российской школы) переводчик превращается в *активного* социального агента, конструирующего социокультурную реальность путём (вос)производства определённых текстуальных и дискурсивных практик [Wolf 2007] и воплощенных в них ценностных парадигм, в соответствии с определенной «идеологической (аксиологической) позицией» [Munday 2012], неизменно «видимой» [Venuti 1995/2008] в тексте ввиду *манипулятивной* [Hermans 1985/2014] языковой интервенции переводчика в текстовую структуру.

Проблема заключается в том, что подобную регулятивную «интервенцию» исследователи объясняют через социальные структуры, в результате чего переводчик растворяется в *коллективном*, исчезая как операционально автономная (operationally closed [Froese 2011]) личность. При этом текстовая «интервенция» переводчика трактуется как «манипулятивная», со всеми вытекающими из подобной категоризации этически и идеологически негативными коннотациями. Наконец, в результате подобной категоризации когнитивная (семиотическая) деятельность переводчика фактически редуцируется до сугубо *рефлексивной* манипуляции языковыми знаками и тем самым *бестелесная* (disembodied) деятельность *мозга* некоторого *универсального*, абстрактного субъекта [Vorderobermeier 2014], что противоречит актуальной «4Е»-трактовке (embodied, embedded, extended, enacted) когнитивной активности человека, доминирующей в современной когнитивной семиотике в целом и когнитивной лингвистике в частности.

С подобной «4Е» перспективы, равно как и с онтологической точки зрения, акт художественного перевода есть, прежде всего, **акт когнитивной (смыслообразовательной) активности живого «биосоциокультурного организма»** [Zlatev 2003], акт квази-перцептивного (симулятивного) но, тем не менее, телесного, опытно контекстуализированного познания художественной реальности, опредмеченной в матрице переводимого текста и конструируемой сознанием переводчика в процессе телесного взаимодействия с этой матрицей («imaginative simulated enaction» [Caracciolo 2014]), с целью последующего вербального конструирования полимодального трехмерного гештальт-образа этой реальности, посредством семиотических ресурсов иной лингвокультуры, в определённой семиотической конфигурации. Оба процесса, если их разведение вообще возможно, по своей природе являются интерпретирующими.

В российской когнитивной лингвистике интерпретация трактуется как процесс и результат «индивидуальной деятельности субъекта по *восприятию* и *осмыслению* действительности» [Болдырев 2013: 7; *курсив мой -К.Л.*]. Фактически речь идёт о «**перцептивном**» **семиозисе** в терминах А.А. За-

левской [2014]. В целом, российская трактовка интерпретации как мета-функции когниции пересекается с понятием **инакции (enaction)** [Varela 1991], широко используемым в западной когнитивной науке для обозначения познавательной активности человека как **нераздельного единства перцепции, когниции, эмоций и акции (действия)**, в котором *активный субъект* с определённой *перспективы* конструирует (enacts) *динамичную среду*, с которой он *телесно* взаимодействует (сопрягается), наделяя её объекты определённым смыслом, приписывая им *субъективную значимость* (value). При этом речь идёт о *радикальной* (не функциональной), феноменологической трактовке телесности познания и сознания и о субъекте познания как целостном «living/lived» body [Thompson 2005; Violi 2009; Froese 2011].

Интерпретирующая деятельность переводчика опосредована нейронной и сенсомоторной активностью его организма, со всеми вытекающими следствиями относительно «легальности» субъективной видимости переводчика в тексте как продукте этой активности. Подобный тезис, однако, совершенно не означает безграничной интерпретирующей свободы переводчика, поскольку при переводе имеет место сложный *реляционный (интерактивный)* процесс телесного сопряжения (1) living/lived body переводчика с (2) матрицей переводимого текста (как материальным артефактом, семиотическим ресурсом среды), (3) художественным миром, который переводчик [вербально] конструирует и интерпретирует на базе этой матрицы, и (4) реальным экспериенциальным миром (в единстве Umwelt и Levenswelt [Zlatev 2009]), в который встроено (embedded) «живое» тело переводчика и продуктом познания которого является воплощённое в этом теле семиотическое «Я» («semiotic self» [Zlatev 2009]). В свете реляционной природы семиозиса и интенциональности [Violi 2009] какого-либо смысла или интенции, *преданных* переводчику в переводимом тексте, которые он мог бы *воссоздать* средствами другого языка, не существует, и классическая когнитивная метафора ПЕРЕВОД – ТРАНСФЕР/ПЕРЕДАЧА, при помощи которой феномен перевода осмысливался на протяжении многих лет, фактически является ложной.

Переводимый текст (матрица) в реляционном семиотическом акте перевода выступает исключительно как «материальное средство доступа» [Залевская 2014] к художественной реальности (непосредственный объект перевода) и как «система [операциональных] инструкций» («instruction manual») [Violi 2001], направляющих (scaffolding) внимание и интенциональность (intentional consciousness) переводчика на определённые объекты этой реальности. В связи с этим отдельного внимания при антропоориентированном анализе перевода заслуживает комплексный процесс распределения внимания (“windowing of attention” [Talmy 2000]) и связанные с ним семиотические феномены (де)фокусирования [Ирисханова 2014], перспективизации и выделенности [Langaker 2013] определённых аспектов [вербально] конструируемой переводчиком художественной реальности.

В свете опытной контекстуализированности семиозиса переводчик фак-

тически рефлексивует не над «миром» переводимого текста и тем более не над миром автора, а над миром своего собственного субъективного опыта взаимодействий с физической и культурной средой, в которой он существует (being-in-the-world), т.е. над своим собственным «Я» (semiotic self) как когнитивной структурой, сформированной всей историей развития его биосоциокультурного организма [Кравченко 2014]. Соответственно, то, что попадает и чисто гипотетически вообще может попасть в фокус внимания конкретного переводчика, равно как и то, что выпадает из этого фокуса, напрямую зависит от подобного интерактивного бэкграунда. Так, многократная презентация и использование определенного смыслообразовательного паттерна (значения, слова, лексического чанка, грамматической конструкции, нарративного паттерна, социокультурного стереотипа и т.п.) приводит к синхронизации активности определённых популяций нейронов и их выделенности среди хаотической активности мозга, в результате чего и сам семиотический паттерн, равно как и элементы среды, которые он ин-активирует, становятся онтологически и когнитивно выделенными, вплоть до автоматической (entrenched) активации в не-рефлексивном модусе осознания. Подобные элементы, вероятно, будут вербально выделены в матрице текста-перевода, или, напротив, ре- или даже дефокусированы, в зависимости от их ценности в структуре переводческого «Я».

Кроме того, интерпретирующее вербальное конструирование художественной реальности предполагает выбор определённой пространственной позиции наблюдателя, определённой точки обзора, перспективы и точки зрения. Также возможные различные перцептивные и оценочные модусы интерпретации одного и того же фрагмента этой художественной реальности разными переводчиками и различные формы субъективного и социального искажения. Все эти процессы также обусловленные аттенциональными механизмами, которые работают на разных уровнях осознания (awareness). Учитывать взаимодействие этих уровней осознания при анализе продуктов переводческой деятельности необходимо.

В [Thompson 2005] с опорой на понятия активности и пассивности Э.Гуссерля выделены два модуса восприятия, *phenomenal consciousness* (то, что попадает в фокус внимания нон-интенционально, автоматически, пре-рефлексивно) и *access consciousness* (то, что доступно мысли и вербализации, осознаётся в качестве цели восприятия), динамическое взаимодействие которых образует *operative intentionality*, на которой основано направленное на объект (object-directed) интенциональное сознание (intentional consciousness). Т. Фруз [Froese 2011] различает три уровня осознания: рефлексивный опыт (явное осознание), пре-рефлексивный опыт (неявное осознание) и неосознаваемые процессы. Поскольку даже сам переводчик способен объяснить далеко не все свои семиотические решения, позиционировать любые текстовые проявления переводческой субъективности на уровень *access consciousness* и рефлексивного опыта, категоризируя их как манипулятивные,

осознанно намеренные, некорректно.

Интерпретирующая природа перевода особенно очевидна при сравнении различных переводов одного текста. В докладе работа описанных в статье операциональных механизмов перевода будет продемонстрирована на примере анализа ряда фрагментов из рассказа «The Curious Case of Benjamin Button» Фрэнсиса Скотта Фицджеральда и двух его русскоязычных переводов, в частности следующих фрагментов:

(1) *This was **their first experience** with the charming old custom of having babies.*

Они впервые решились **отдать дань** очаровательной старой традиции – обзавестись ребенком (перевод Т. Луковниковой).

Очаровательный древний обычай обзаведения детьми им довелось **испытать на себе** впервые (перевод А. Руднева).

(2) *Do you imagine a case like this will **help** my **professional reputation**? One more would **ruin** me – **ruin** anybody.*

Уж не думаете ли вы, что это **поднимет** мой **врачебный престиж**? Да случись еще хоть раз нечто подобное – и я разорен, такое кого угодно **разорит**! (Т. Луковникова).

И как же, позвольте узнать, может такой случай **отразиться на моей репутации**, а? Еще один такой – и я погиб, такое кого хочешь **уничтожит**! (А. Руднев).

(3) *"Am I mad?" **thundered** Mr. Button.*

– В уме ли я? – **рявкнул** мистер Баттон. (Т. Луковникова)

– Я что, сошёл с ума? – **разразился** мистер Баттон. (А. Руднев)

(4) *"Doctor Keene!" he **called**. "Oh, Doctor Keene!"*

The doctor heard **him, faced around**, and stood waiting, a **curious expression settling** on his **harsh, medicinal face** as Mr. Button **drew near**.

– Доктор Кин! – **вскричал** он. – Ах, доктор Кин!

Доктор услышал **это** и остановился, **ожидая** мистера Баттона, причем на **строгом докторском лице появилось весьма странное** выражение. (Т. Луковникова)

– Доктор Кини! – **крикнул** он. – Эй, доктор Кини!

Доктор услышал **его**, **обернулся** и остановился, **поджидая**. На его **медицински-суровом лице** по мере приближения мистера Баттона всё чётче **проступало** какое-то **странное** выражение. (А. Руднев)

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал / Н.Н. Болдырев, Л.А. Панасенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 5-12.
2. Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова / А.А. Залевская. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 328 с.
3. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке: Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О.К. Ирисханова. – М.: Языки слав. культуры, 2014. – 320 с.

4. Кравченко А.В. «Язык писателя» как семиотический конструкт / А.В. Кравченко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. – № 16. – С. 21-29.
5. Caracciolo M. The Experientiality of Narrative: An Enactivist Approach / M. Caracciolo. – Berlin: De Gruyter, 2014. – 231 p.
6. Froese T. The Enactive Approach: Theoretical Sketches from Cell to Society / T. Froese, E. Di Paolo // Pragmatics & Cognition. – 2011. – Vol. 19. – P. 1-36.
7. Froese T. Breathing New Life into Cognitive Science / T. Froese // Avant: Trends in Interdisciplinary Studies. – 2011. – Vol. 2 (1). – P. 113-129.
8. Hermans T. The Manipulation of Literature: Studies in Literary Translation / T. Hermans. – L., N.-Y.: Routledge, 2014. – 254 p.
9. Langacker R.W. Essentials of Cognitive Grammar / R. W. Langacker. – Oxford: OUP, 2013. – 280 p.
10. Munday J. Evaluation in Translation: Critical Points of Translator Decision-Making / J. Munday. – L., N.-Y.: Routledge, 2012. – 208 p.
11. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics / L. Talmy. – Cambridge: MIT Press, 2002. – Vol. 1: Concept Structuring Systems. – 573 p.
12. Thompson E. Sensorimotor Subjectivity and the Enactive Approach to Experience / E. Thompson // Phenomenology and the Cognitive Sciences. – 2005. – Vol. 4 (4). – P. 407-427.
13. Varela F. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience / F. Varela, E. Thompson, E. Rosch. – Cambridge: MIT Press, 1991. – 308 p.
14. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation / L. Venuti. – 2nd ed. – L., N.-Y.: Routledge, 2008. – 336 p.
15. Violi P. How Our Bodies Become Us: Embodiment, Semiosis and Intersubjectivity / P. Violi // Cognitive Semiotics. – Vol. 4 (1). – P. 57-75.
16. Violi P. Meaning and Experience / P. Violi. – Bloomington: Indiana University Press, 2001. – 291 p.
17. Vorderobermeier G.M. (Translational) Habitus – A Concept that Upsets (in Translation Studies)? / G.M. Vorderobermeier // Remapping Habitus in Translation Studies / ed. by G.M. Vorderobermeier. – Amsterdam: Rodopi, 2014. – P. 9-26.
18. Wolf M. A. (eds.) Constructing a Sociology of Translation / M. Wolf, A. Fukari et al. – Amsterdam: John Benjamins, 2007. – 226 p.
19. Zlatev J. Meaning = Life + (Culture): An Outline of a Biocultural Theory of Meaning / J. Zlatev // Evolution of Communication. – 2003. – Vol. 4 (2). – P. 253-296.
20. Zlatev J. The Semiotic Hierarchy: Life, Consciousness, Signs and Language / J. Zlatev // Cognitive Semiotics. – 2009. – Vol. 4. – P. 169-200.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

- Фицджеральд Ф.С. Загадочная история Бенджамина Баттона / Ф. Скотт Фицджеральд; пер. с англ. Т. Лековниковой // Фицджеральд Ф.С. Загадочная история Бенджамина Баттона: [рассказы]. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 5-39.
- Фицджеральд Ф.С. Странная история Бенджамина Баттона / Ф. Скотт Фицджеральд; пер. с англ. А. Руднева // Фицджеральд Ф.С. Сказки века джаза: [рассказы]. М.: РИПОЛ классик, 2015. – С. 521-547.
- Fitzgerald F. Scott. The Curious Case of Benjamin Button and Other Jazz Age Stories / F. Scott Fitzgerald; Patrick O'Donnell. – Penguin Classics, 2008. – 464 p.

**CURRENT METHODOLOGICAL PROBLEMS
OF LITERARY TRANSLATION STUDIES:
AN INSIGHT FROM COGNITIVE (INTERPRETIVE) SEMIOTICS**

K.I. Leontyeva

Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov

From the 4E-perspective of the present-day Cognitive Semiotics the paper explores some methodological errors typical of analyzing the facts and the pre-requisites of the translator's textual visibility, as well as operational nature of literary translating as an interpretive relational sense-making activity, attentional processes and related semiotic processes of (de)focusing.

Key words: *literary translation, translator's visibility, Cognitive Semiotics, anthropocentrism, interpretation, sense-making, enaction, (de)focusing, attention.*

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Ксения Ивановна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра когнитивных исследований Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, e-mail: ksenja_leontieva@mail.ru

УДК 811.111'23

**ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ДИАПАЗОН
КУЛЬТУРЫ И ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА**

Е.М. Масленникова

Тверской государственной университет, Тверь

Многозначность текста изначально предполагает множественность пониманий-интерпретаций, становясь одной из помех при текстовой коммуникации, когда автор и читатель осуществляют и координируют действия по опредмечиванию и распредмечиванию текстовых смыслов. В статье обсуждаются понятия «семантическое поле», «диапазон культуры», «аккультурация».

Ключевые слова: *текст, перевод, семантическое поле, культура, аккультурация.*

Понимание / интерпретация текста предполагает его рассмотрение читателем как интерпретирующим субъектом в границах определённого ментального пространства. «Плотность» ментального пространства определяется его культурной напряжённостью. Личностные особенности восприятия позволяют построить проекцию книги на основе своих собственных (со)переживаний опыта, проецировать текст «на себя», свою картину мира, систему знаний и культурный фон. Культура и система ассоциируемых с ней культурных артефактов несут в себе ряд духовно-ценностных компонентов,